

Кунина Евгения

10.11.98

Евгений Пастернак

НАШЕ время открыло для заинтересованной публики много новых литературных имен недавнего прошлого, имен ранее неизвестных. И это не только прежде недоступные нам поэты эмиграции, на которых обращено теперь большое внимание. В советское время работы многих талантливых авторов оставались десятилетиями никому не известными. С меньшим энтузиазмом, чем эмигрантов, их теперь потихоньку печатают. Среди них не только такие имена, как Арсений Тарковский, Варлам Шаламов, Борис Чичибабин, Вера Звягинцева или Елена Благинина, которые только в конце жизни получили возможность опубликовать свои стихи, но и Александр Введенский, Егор Обалдуев, Александр Кочетков, Всеволод Курдюмов, до сих пор еще ждущие своего часа. К их числу принадлежит прекрасная поэтесса Евгения Филипповна Кунина, столетие которой пришлось на 6 ноября 1998 года.

Лишенные читателей в течение всей своей жизни, поэты эти сохраняли высокую человечность, восхищение природой и возможность запечатлеть виденное, не корежа в себе первозданность чувств в угоду сменявшимся идеологическим вкусам редакторов. Несмотря на высокую (по большей части) поэтическую профессиональность, приобретенную любовным чтением поэтов Серебряного века, они могли себе позволить писать по вдохновению и на уровне своих способностей, не жертвуя ничем ради «проходимости» своих вещей, избавленные волею случая от тех «недостатков», которые создают писателя. (Об этом говорил когда-то Лев Толстой, характеризуя своего брата Николая, более талантливого, по его мнению, нежели он сам, но не ставшего писателем в силу благодатной свободы от подобных стремлений и качеств.) Евгения Кунина писала всю долгую жизнь, но увидела свой первый сборник стихов незадолго до кончины. Он называется «Самое дорогое» и вышел в издательстве «Отечество» в 1994 году.

Ее стихи заслужили внимание в тесном кругу знакомых и слушателей нескольких ее авторских вечеров. В предисловии к книге

ПОД ЗНАКОМ ПОНЕСЕННЫХ УТРАТ

Евгения Кунина — поэт, лишенный читателя

Независимая газета. - 1998. - 20 нояб. - с. 12

она писала, что никогда не придавала своим стихам «общественного значения», пока не стала читать их публично и не поняла, что они нужны людям, вызывают чувство интереса и благодарности.

Она действительно еще в молодости приобрела профессиональную подготовку, занимаясь в Московском университете и Высшем литературно-художественном институте под руководством Валерия Брюсова и Аделины Адалис, вскоре ставшей ее подругой. Искренность и непосредственность ее стихов закрыли ей дорогу в печать, что освободило ее от подчинения социальному заказу и избавило от профессиональных ограничений.

В отличие от ностальгической ноты эмигрантов, столь трогательной нас сейчас, стихи Евгении Куниной звучат не оставившей ее в самые трудные годы радостью жизни — реальной и полной забот о близких.

*Жить — ради радости счастья,
Жить — ради горечи слез,
Жить — ради слова участия,
Жить — ради прелести грез.
Жить и в страданьи и в ласке,
В вере, в безверьи, во сне
И в упоении сказки,
И в поклоненьи весне.*

Ее юношеским грезам и мечтам о поэтическом призвании не суждено было сбыться. Жизнь отнюдь не баловала ее. После окончания гимназии, «скрепя сердце, рвущаяся к литературе, к филологии», — как писала она сама, — пошла в зубоучебную школу, которую за шестнадцать лет до того окончила мама. Мать ее была удивительно одаренным музыкантом, обладала к тому же замечательным голосом, но зарабатывала на семью как дантист. Тем же путем была вынуждена пойти и Евгения Филипповна, заменившая мать у зубоучебного кресла после

«Жить — ради радости счастья / Жить ради горечи слез...» — писала Евгения Кунина.

ее скорострительной смерти. Причиной смерти матери в 1924 году были арест и болезнь младшего сына: за участие в кружке социал-демократической молодежи он был выслан в Космодемьянск, где тяжело заболел. Благодаря хлопотам Бориса Пастернака, обратившегося к Карлу Радеку, ему бы-

ло разрешено вернуться в Москву для операции. Последовавшее за тем острое психическое расстройство дало повод заменить ссылку «условным осуждением».

Писание стихов и занятие переводами — Евгения Филипповна прекрасный переводчик с английского, французского и итальян-

«Свежи стихи ее юности, — говорила о Евгении Куниной Анастасия Цветаева, — тонко-психологичен цикл любовный, и мудростью жизненного опыта пленяют нас стихи о старости».

*Навсегда вживлено в меня детство —
И пугает и радует очень;
Уживается с ним по соседству
Поминаньем живущая осень.
И оно, никого не тревожа
И себе позволяя беспечность,
Никогда и ни в чем не похоже
На соседку, глядящую в вечность.*

Брат и сестра Кунины притягивали к себе людей, сохранивших культуру общения и память о прошлом. В последние годы у них собиралась молодежь, привлеченная высоким уровнем душевной и артистической атмосферы дома. В числе близких друзей Евгении Филипповны была Анастасия Ивановна Цветаева, вместе с которой она надолго уезжала то в Эстонию, то в Коктебель, жила в Переделкине. Ее многолетняя дружба с Борисом Пастернаком, которой посвящены ее воспоминания (печатавшиеся в «Знамени» и потом включенные в сборник его памяти. «Слово», 1993), подкреплялась близкими отношениями с друзьями его юности — литературным критиком и профессором Константином Григорьевичем Локсом и поэтом Сергеем Павловичем Бобровым. Локс в тяжелые для него годы одиночества и болезни был объектом ее постоянной заботы и любви; он оставил Куниной рукопись своей мемуарной «Повести об одном десятилетии (1907–1917)» и письма Пастернака. Нам было дано счастье опубликовать ее в 1994 году («Минувшее», № 15) после бесконечных мытарств Евгении Филипповны и ее брата по многочисленным редакциям советских журналов.

Евгения Кунина скончалась полтора года тому назад, 18 марта 1997 года... В ее жизни и стихах нашел отражение целый век с его лишениями, войнами и постепенным таинством того духовного богатства, которым награждал нас век предшествующий, то есть с той жизнью, «бедной на взгляд, но великой, под знаком понесенных утрат», о которой писал и ее друг Борис Пастернак.

ского — стали для нее душевной потребностью и счастливым отдыхом от выматывающего ежечасного труда дантиста. Высокий драматизм поэмы «Франческа да Римини» давал возможность перелить в письма знаменитых влюбленных горячий пыл собственных переживаний и мыслей. (Поэма была опубликована в «Новом мире» в 1993 году). Она писала статьи о Данте, о Роме Роллане, о «Слове о полку Игореве», перелагала «русским стихом» плач Ярославны.